РАССКАЗЫ ПРИКАРПАТЬЯ

Николай Павлович Глебовицкий (1876-1918) родился в Буковине, которая в то время входила в состав Австрийской империи. Высшее юридическое образование получил в Вене. Был депутатом Австрийского парламента, отличался неожиданными и нежелательными на то время выступлениями в защиту нарушаемых несомненных прав безправного русского населения империи. Сотрудничал в различных периодических изданиях Львова, например, газете “Галичанин”. Писал беллетристические произведения: в 1905 г. во Львове вышел его сборник “Рассказы и очерки”, а в 1906 г. - сборник “ Этюды и очерки”. Многие его стихи и рассказы не вошли в упомянутые сборники, но сохранились в газетах и журналах тех лет. (Мы надеемся собрать со временем все его произведения воедино).

Творческое наследие Николая Глебовицкого, к сожалению, не слишком велико: русская литература и, в частности, галицко-русская, потеряла одного из самых талантливых своих писателей. В августе 1914 г. после начала Первой мировой войны в Австро-Венгрии началось запланированное уничтожение русского населения под иезуитским предлогом защиты отечества от возможных изменников - русских подданных империи, которых убивали или хватали прямо на улицах, в их домах, в поле. Для арестованных без суда, законных юридических обвинений и следствия были открыты первые в Европе истребительные концентрационные лагеря, где узники гибли тысячами. Что и планировалось. Арестовывались представители любых сословий: интеллигенция, крестьяне, священники, студенты. Образ врага был создан: русский - значит, враг, а потому и опасен. А потому - охота на врага, смерть на месте или истребительный концлагерь…

В августе 1914 г. Николай Глебовицкий был арестован и отправлен в страшный концлагерь Талергоф, откуда вышел в мае 1917 г. с подорванным здоровьем. Скончался на своей родной Буковине в ноябре 1918 г…

Предлагаем вниманию наших уважаемых читателей рассказы нашего галицко-русского писателя Николая Павловича Глебовицкого, написанные богатым русским литературным языком.

Несколько слов относительно героя рассказа “К свету и истине”. Антоний Степанович Петрушевич (1821-1913) - знаменитый в Галицкой Руси и даже в Великороссии ученый. Автор многочисленных трудов по истории своего края, этнографии, археологии, хранил богатое собрание рукописей. Значительное количество собранных уникальных материалов передал Русской Академии Наук в Санкт-Петербурге.

Наталия ГАТТАС

В ОДНУ ИЗ МАЙСКИХ НОЧЕЙ

На башне старой церкви пробило два часа ночи. Все почивает в объятьях сна…

С поры до времени прилетает от Альп ветерок, ударится о стену старинного замка, “раубритеров”, ворвется в глубокий, дышащий сыростью, подвал, поласкает кости, перед веками закованные в кандалы, и понесется вниз к синему Дунаю, шепотом передавая его грандиозным волнам стон духов, блуждающих в подвалах замка...

Все спит… Не спит только городовой. Стуча громко каблуками по тротуару, он как-то против воли заставляет помнить: что есть какие-то законы, правила, какой-то “высший” порядок.

Моя мысль, однако, теперь столь свободна, столь светла, что не замечает никаких высших порядков. Грудь дышит широко да свободно. Душа хотела бы получить крылья и скорей-скорей улететь на эту широкую свободу… туда, откуда прилетает такое нежное дуновение ветерка, откуда смотрит эта золотая, улыбающаяся луна, откуда подмигивают, словно деревенские красавицы своим обожателям, звездочки…

Вокруг привольно…

Отчего же не так легко в моей груди? Боль сжимает трепещущее сердце. Лечу опрометью - авось там, хоть на миг один забудет о своей горькой участи…

Все дремлет.

Потиху, точно вор, подкрадываюсь под окно ее. Как давно я здесь был?.. Сколько хороших воспоминаний связано с этим домиком… Как сладкий сон, как привидение, словно божественный поцелуй любимой, прошли самые счастливые дни моей весны… Хорошо было мне здесь…

Сколько раз я желал, так желал, чтобы Бог послал мне забвение… Оно не приходило... Но и как же забыть все то, что никак нельзя вырвать из сердца, разве вырвать вместе с ним! Не было слов, выразить коими я мог бы мое тогдашнее счастье… Оттого-то я и никогда и не старался в словах представить мой душевный рай, ибо молчание самое лучшее выражение невыразимого счастья.

Клянусь: никто в мире не смел бы назвать себя таким счастливым!

Вечером, когда солнышко клонилось к закату и на прощание золотыми лучами целовало вершины гор и последний раз страстным поцелуем впивалось в хрустальную грудь синего Дуная, она садилась за рояль и пела для меня песни… для меня… Ее нежный голос пронизывал мою грудь. Я забывался на целые мгновения, все исчезало. Были слышны одни милые звуки любимой песни.

И я не был счастлив?!

В ее глазах, в ее голубых глазах отражалась вся доброта ангельской души. Как сладко, как легко становилось мне на сердце, когда целыми часами я мог поить себя сладостной негой, лившейся из ее глаз…

Золотистые вершины горных хребтов тускнели, мрак застилал землю. В окно струями вливался блеск подсматривающей луны. Луна любовалась нами. Кто мог тогда подумать, что она ехидно издевалась над нами?..

Недолго пришлось ждать... Волны скверного житейского моря унесли меня. Мечты, затеи, которые я до тех пор презирал, начали находить приют в моей голове, они окутали мои порывы, мои стремления, мою жажду жизни. И я… поклонился новым идеалам, хотя они и родились на грязной ниве материализма. Как жутко становится на сердце, когда вспомнишь о таком падении…

Разочарованный, возвращаюсь к забытому, покинутому храму. Здесь не будет новых желаний, стремлений… низости. Здесь доброта, нега и ласки. Как хорошо тут!

Тиха ночь. Небо прозрачно. Звезды блещут. Чуть-чуть трепещут листы серебристых тополей. Луна украдкой заглядывает через окно на ее кровать. Как сладок покой юности… Как нежно лелеет ее сон… Детские сновидения унесли ее в своих объятиях в мир дивных наслаждений. Душа спокойна. Веселие… радость сказывается на лице.

Нет, она не спит. Отчего же улетел сон и от твоих глаз?

Тихо открывается окно. Детская головка поникла вниз, мраморная рука поддержала ее.

Видно, и она томится, и ее преследуют страшные грезы… Какой-то глухой стон прошибает мою каменную грудь. Что? Мое имя на ее чистых устах?.. Пусть все будет проклято. Все, что заставило меня сделаться животным. Боже, этот ангел страдает из-за меня? Нет, не могу дальше скрываться! Не выдержу. Ее уста лепечут… вздох… стон.

Опять все тихо. Она звала кого-то? О, какой шалун этот ветер. Нарочно уносит ее слова, чтобы мне их не дать.

Подхожу ближе. Еще один глубокий-глубокий вздох… Увы! Это было имя, но не мое. А я себя обманывал… сам себя. Это имя ее… обольстителя!

Грейфенштейн, 1806 г.

* * *

Милый ребенок, семилетняя Верочка, с нетерпением ждала прихода дня своего Ангела.

Мечта сбылась. Верочка получила от любящих мамы и папы хорошенькую куклу, какой не имела ни одна из ее сверстниц.

Казалось: счастья, больше этого, не бывает на свете...

Дети забавлялись. Всегда угрюмая, уродливая девчонка, Павлушка, приглашенная в гости к Верочке, небрежно опустила на землю верочкину куклу. Кукла разбилась. Верочка разразилась рыданиями на всю комнату.

Ее горю не было пределов…

* * *

Ирину, олицетворение красоты - в ней соединена нега украинской девушки и “la grace et la magnificence” (грация и великолепие) великосветской дамы, - вывезли на первый бал.

Она вошла в “свет”.

Молодой человек, не отступавший весь вечер ни на шаг от Ирины, пленил ее. Она отдалась ему всей душой, обняла его всей любовью мечтательной девушки.

В тот миг Ирина была счастлива неземным счастьем.

Балы, один за другим, потянулись волшебною вереницей по заколдованному фону карнавала.

На одном из них явилась знаменитость столичной Мельпомены, находившая особенное удовольствие в развлечениях с мужчинами, принадлежавшими уже другим женщинам.

Ирина видела, видела своими собственными, с ужасом после забвения открывшимися глазами, как он… пожимал руку знаменитой опереточной дивы - страстно,.. так страстно.

Кровью облилось бедное сердце девушки.

* * *

Терпелиха, вдова по первом тузе в селе, получила от своего единственного сына письмо с известием, что он уже на днях возвращается под родной кров, возьмет в свои руки расшатавшееся в его отсутствии хозяйство, утешит старушку-мать.

Вернулся Олекса, гордость матери, отрада ее седых волос.

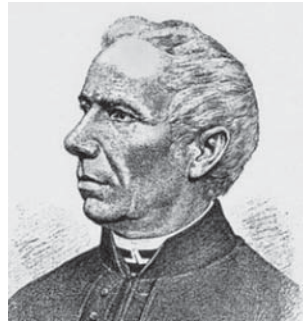
Скучно как-то проходили дни молодого, самостоятельного хозяина. Как же жить-то хозяину да одному, без хозяюшки?

У Терпелихи не от ныне уже имелась на примете невестка - на все село козырь-девка!

Состряпали свадьбу. Мать благословляла новоженцев, а слезы умиления так и лились ручьем. Старая молилась на своих деток - молитвой счастливой матери…

И год не прошел, а невестка пустила Терпелиху по белу свету.

* * *



Антоний Степанович Петрушевич (1821-1913)

К СВЕТУ И ИСТИНЕ

Посвящаю о. А.С. Петрушевичу, Почетному члену русской Академии Наук, ученому страны родной

Вокруг скука, подруга людишек дрянненьких и праздных, скука захолустья с ее мелочностью и сплетнями, с традиционными “праздничками”, с обязательными винцом и ломберными столиком. Промозглая, отравляющая человеческий дух атмосфера среды полуинтеллигентов и неучей…

Как велик дух человека, как могуча мысль, освободившиеся из тенет мещанства, гнили и обалдения, пропитанных миазмами злобы и зависти, изрыгаемыми некультурной блаженствующей средой!

Среди непроходимых гнилых болот, реющих от блаженствующих тупиц в пиджаках, фраках и рясах, задребезжал бедному сельскому священнику о.Антонию на заре его жизненного похода в борьбе с тьмой и невежеством, чистый свет, зажженный царем-духом для того, чтобы среди ночи невежества и исступления мысль, освободившаяся от кандалов условности и предрассудков, стремилась к нему, как стремится к маяку корабль среди ночной бури.

Сохраняя в груди чистое пламя жажды познания, истины, разбивая могучими руками грязные волны стихийной заскорузлости “окружения”, о.Антоний причалил к острову благотворного одиночества. Благословенно одиночество, желанная пристань уставшего, загнанного амфибиями духа!..

Освободившись из-под гнета назойливого “общества”, людей озлобленных и безыдейных, уйдя от света и его пошлостей, о.Антоний всем своим существом бросился в объятия уединения. Природа, эта единственная книга, подающая на своих листах богатое содержание, сблизила его с Божеством, а приходившие по почте книги и журналы объединяли его с духом богатырей ума и сердца могучих личностей, движущих вперед жизнь жизнеспособной части человечества. Природа и книжка были две силы, влиянию которых подверглась с тех пор душа о.Антония. В деревенской глуши рос и развивался его талант, а мысль, свободная и нестесняемая в своем стремлении к исследованию чистой истины, обняла весь земной шар, обняла все человечество в его гениальнейших проявлениях мерцающей в нем искры Божьей.

И удивительно: в скромненьком кабинете сельского пастыря, запруженном полками с книгами, стал витать дух жрецов науки и знания разных времен, разных полос земного шара: и тех, вдохновляемых Индрой, и тех зависимых от “синеглазой” Паллас-Афины и Минервы, и тех, пользовавшихся особым покровительством Саги и Сиотры, и наконец тех истинно просвещенных умов, положивших в основание своим научным исследованиям и познанию правды - восторженное возвеличение божественно-самоотверженной жертвы Спасителя, примирившего Бога с падшим человеком.

А в это время, когда растлевающая организм лень, мать пороков, затянула в себя самодовольных людишек, скромный пастырь предался с захватывающим все его существо рвением труду, облагораживающему человека, освобождающему дух из тенет низменных вожделений…

* * *

Годам на смену шли новые годы...

О. Антоний переселился в столицу края. Ему стали необходимыми библиотеки, музеи и святыни искусства, но и тут он был далек, страшно далек от света, этого грязного муравейника копошащихся козявок и букашек. Кроме самоотверженного исполнения обязанностей своего звания, для него существовали опять только четыре стены рабочего кабинета, с горами книг и кипами бумаг, с целым миром идей, мысли и научных исследований…

В городе так же, как и в деревне царили невежество, заскорузлость, тьма и насилие. Разница однако была в том, что тут эти язвы свирепствовали, кричали о себе всем и вся.

Как могучая, цельная личность, как духовно богатый человек, этот скромный пастырь являлся окружавшей его пошленькой духовно нищей среде с ее скудостью жизни, с ее вечными опасениями насчет завтрашнего дня, с ее “копеечными соображениями и грошовыми расчетами” - органическим противоречием, непримиримым врагом, хоть сам он был переполнен братской любви к этому несчастному окружению.

Когда неустающий страх жизни безжалостно нарушил душевную гармонию человека, заставил его сосредоточить все свои помыслы, желания и стремления на одном предмете, сделал его трусом, неспособным ни на какой порыв и безцеремонным хищником, только о том и промышляющим, как бы так побольше захватить, приобрести, заграбить и обогатиться - в это время бедный пастырь о.Антоний проявлял царскую щедрость, расточая вокруг божественные блага из сокровищницы духа и мысли.

И неистовствовали, глумились и марали грязью эти бисеры - пигмеи и завистники; боготворили и благодарили великого поборника правды и науки люди…

А в это время, когда толпа, забитая нерадением и мелочностью, покорно склонив свою баранью голову для “усекновения” на алтаре Лени, оглашая родную страну недостойною великой нации песенкой: “Якіи мы бедныи, мы погибли”, распеваемой на разные мотивы - о.Антоний своим муравейным трудом, с растущей энергией, с непоколебимою верой в победу света над тьмой, созидал величественный храм родной учености, грандиозный памятник aere perennius.

Побуждаемый жгучей жаждой познания правды, согреваемый безпрестанным стремлением к осчастливлению несведущих и темных, он искал… творил… созидал, все один, только один, как бы в доказательство той исполинской истины, в огромном запасе покоящейся в могучей личности, призванной совершить подвиг гиганта. Он созидал в проявлении цельной личности, внушающей другим веру: в него, в защищаемую им идею, в проповедуемую им истину.

Покорив немощь бренного существования, стесняющего мысль и волю, и упорно побеждая застенчиво выныряющие сомнения, он стремился к свету, чистому свету, наставляемый могучим глаголом безусловной Правды: “Аз есмь истина!”

Ведущая рубрики Наталия ГАТТАС. Контакты: natashagmai@gmail.com Электронная версия: http://www.zrd.spb.ru/carpat.htm

КТО БЫЛ ГЛАВНЫМ СПОНСОРОМ ГИТЛЕРА И СОЗДАЛ ТРЕТИЙ РЕЙХ?

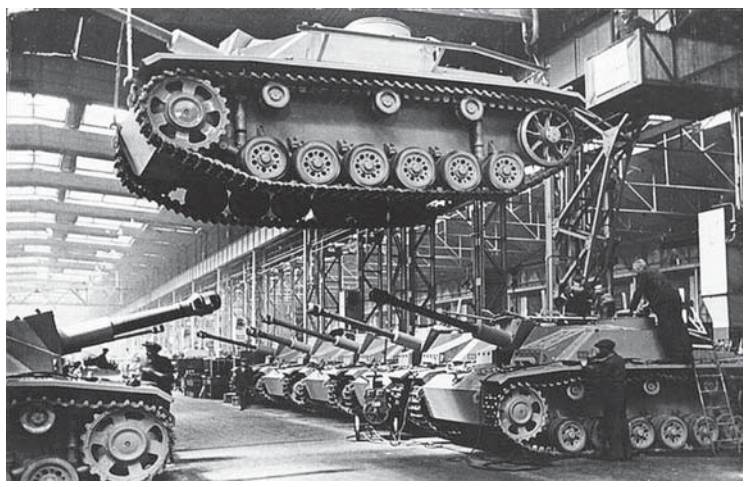
Кто на самом деле финансировал приход к власти Гитлера? Историки до сих пор не сошлись во мнении на сей счёт: одни считают, что нацисты находились на тайном содержании у германского рейхсвера, лелеявшего мечту о реванше после поражения в Первой мировой войне, другие доказывают, что главными спонсорами фюрера были немецкие промышленники.

Между тем, когда на Нюрнбергском процессе экс-президент Рейхсбанка и министр экономики Ялмар Шахт предложил справедливости ради посадить на скамью подсудимых и тех, кто вскормил Третий рейх, упомянув при этом американские корпорации «Дженерал моторс» и «Форд», а также персонально управляющего Банка Англии Нормана Монтегю, – американцы заключили с ним сделку, пообещав свободу в обмен на молчание. И Международный военный трибунал полностью оправдал Шахта вопреки протестам советских юристов.

Тайну англосаксонской помощи Гитлеру на начальном этапе его партийной карьеры унесли с собой в могилу два человека – неприметный на первый взгляд швейцарский финансист Вильгельм Густлофф (не случайно же его имя фюрер посмертно присвоит самому большому круизному лайнеру Германии) и казначей НСДАП Франц Шварц. Густлоффа, убитого в 1936 году в швейцарском Давосе неким тщедушным студентом, Ялмар Шахт называл «бессменным посредником» между английскими и американскими корпорациями, с одной стороны, и нацистами – с другой (по некоторым данным, посредничал Густлофф с 1925 по 1929 год). Что же до обергруппенфюрера СС Шварца, то он умер не менее странно, чем Густлофф: 2 декабря 1947 года его должны были отпустить из фильтрационного лагеря в Регенсбурге, но на свободу генерал так и не вышел. Позавтракал, почувствовал себя плохо и через час-полтора умер – «из-за проблем с желудком», как отмечалось во врачебном заключении. В апреле 1945 года Шварц сжёг в «коричневом доме» (штаб-квартира НСДАП в Мюнхене) все финансовые документы, которые могли бы скомпрометировать представителей стран-победительниц, и по этой причине наивно рассчитывал на снисхождение.

Первый сундук с валютой Гитлер получил от главы концерна Shell

Но, несмотря на то, что двое важнейших свидетелей навсегда замолчали, некоторым историкам всё же удалось раздобыть свидетельства англосаксонского спонсорства Гитлера и его приспешников. В частности, итальянец Гвидо Джакомо Препарата, посвятивший изучению связей нацистов с деловыми кругами Лондона и Вашингтона без малого два десятилетия, поимённо назвал тех, кто привёл «коричневых» к власти: «Кто финансировал нацистов с самого начала? Согласно смешной сказке, упорно насаждавшейся в обществе, нацисты финансировали себя сами, собирая деньги на митингах». И далее Препарата убедительно доказывает: большая часть денежных средств нацистской партии имела иностранное происхождение. Заокеанские финансовые кланы Морганов и Рокфеллеров через банк Chase National продвигали акции IG Farbenindustrie и ряда других германских химических заводов на Уолл-стрит (позже детище Круппа перешло под контроль рокфеллеровской Standard Oil), а банк Диллона и Рида – Vereinigte Stahlwerke Альфреда Тиссена. «К 1933 году, когда с неопровержимой ясностью стало понятно, что компания AEG финансировала Гитлера, – писал Препарата, – 30% акций принадлежали её американскому партнёру – General Electric. Таким образом, полагает историк, «на протяжении 15 лет, с 1919 по 1933 год, англосаксонская элита активно вмешивалась в германскую политику, имея намерение создать мракобесное



движение, каковое можно было бы впоследствии использовать как пешку в большой геополитической интриге… Не Англия с Америкой создали гитлеризм, но именно они создали условия, в которых только и мог появиться этот феномен».

А вот что писал другой исследователь финансовых потоков, стекавшихся к Гитлеру, немецкий историк Йоахим Фест: «Осенью 1923 года Гитлер съездил в Цюрих и вернулся оттуда, как говорили, «с сундуком, набитым швейцарскими франками и долларовыми купюрами». То есть накануне попытки «пивного путча» кто-то выделил будущему фюреру солидную сумму в валюте». Этот «кто-то», по некоторым данным, был не кто иной, как сэр Генри Детердинг, глава англо-голландского концерна Shell. Он и позже будет финансировать Гитлера – через Вильгельма Густлоффа. Занятно, что Мюнхенский суд, где слушалось дело путчистов, смог доказать лишь то, что нацистская партия получила на организацию мятежа 20 тыс. долларов от промышленников Нюрнберга. А ведь затраты соратников Гитлера оценивались в сумму как минимум в 20 раз большую! В апреле 1924 года Гитлера осудили на пять лет тюрьмы за государственную измену, но уже в декабре он выходит на свободу, приобретает виллу «Бергхоф» и начинает выпуск воссозданной газеты «Фёлькишер беобахтер». Спрашивается, на какие шиши? «С 1924 года, – писал Йоахим Фест, – симпатизирующие Гитлеру промышленники и финансисты (Тиссен, Фоглер, Кирдорф и Шрёдер) тайно выдавали значительные суммы нацистам. При этом руководство штурмовиков и партийные функционеры получали зарплату в валюте». Примечательно, что Фоглер и Шрёдер были скорее не германскими, а американскими бизнесменами – свои капиталы они зарабатывали преимущественно за океаном. Среди спонсоров Гитлера были и другие неоднозначные фигуры – к примеру, глава IG Farbenindustrie Макс Варбург – родной брат директора Федерального резервного банка Нью-Йорка Пола Варбурга. Или Карл Бош, возглавлявший германское подразделение Ford Motor Company.

Да и как немецкие промышленники могли желать прихода Гитлера к власти? Ведь национал-социалисты не меньше большевиков желали ограничить промышленников!

За что Генри Форда наградили высшим орденом Третьего рейха

Раз уж зашла речь о Форде: в 1931 году журналистка американской газеты Detroit News, приехавшая в Германию, чтобы взять интервью у перспективного политика Адольфа Гитлера, с удивлением узрела над его рабочим столом портрет хорошо ей знакомого человека – Генри Форда. «Я считаю его своим вдохновителем», – пояснил Гитлер. Но Форд был не только вдохновителем главного наци, а ещё и щедрым спонсором. Сошлись Форд и Гитлер на почве свойственного им обоим антисемитизма. Ещё в начале 20-х годов «дедушка Форд» за свой счёт напечатал и отправил в Германию полумиллионный тираж «Протоколов сионских мудрецов», а затем и две свои книги – «Мировое еврейство» и «Деятельность евреев в Америке». В конце 20-х – начале 30-х годов Форд, по некоторым данным, щедро подкармливал НСДАП (на сей счёт сохранились письменные свидетельства Франца Шварца – правда, тот так и не назвал конкретных сумм). И в знак благодарности Гитлер наградил Форда большим крестом Немецкого орла – высшей наградой рейха, которой мог быть удостоен иностранец. Это произошло 30 июля 1938 года в Детройте, на праздничном обеде, на котором присутствовало порядка полутора тысяч именитых американцев. Орден вручал германский консул. Форд, говорят, так расчувствовался, что даже всплакнул. После этого Форд взял на себя полное финансирование гитлеровского проекта «народного автомобиля» – ему в конечном итоге и достались 100% акций новообразованного концерна Volkswagen.

Связи Форда и Гитлера были настолько прочными, что не прервались даже во время войны. К тому времени за океаном был принят особый закон, запрещающий всякое сотрудничество с гитлеровцами (Trading with the enemy act), но для Форда этот закон, казалось, не имел силы. В 1940 году Форд отказался собирать двигатели для самолётов воюющей с Германией Англии – одновременно с этим во французском городе Пуасси его новый завод начал выпуск авиадвигателей для люфтваффе. Европейские филиалы Форда в 1940 году поставили Гитлеру 65 тыс. грузовиков – безвозмездно! В оккупированной Франции фордовский филиал продолжал производить грузовики для вермахта, а другой филиал, в Алжире, снабжал гитлеровского генерала Роммеля грузовиками и бронетехникой. Кстати, примечательный штришок: в конце войны союзная авиация до основания разбомбила германский Кёльн. Нетронутым – каким-то чудом, не иначе! – остались лишь несколько зданий автозавода Форда. Тем не менее Форд (а заодно и его конкуренты из General Motors) добился от правительства США компенсаций за ущерб, «нанесённый их собственности на вражеской территории». При этом General Motors владел одним из крупнейших германских автоконцернов Opel, производивших армейские грузовики модели Blitz – «Молния». На базе этих машин умельцы создавали печально известные «газенвагены» – газовые камеры на колёсах. К началу Второй мировой совокупные вклады американских корпораций в немецкие филиалы и представительства составляли порядка 800 млн долларов – вложения Форда оценивались в 17,5 млн, Standard Oil (ныне Exxon) – в 120 млн, General Motors – в 35 миллионов.

Денежные потоки из США в Германию контролировал шеф американской разведки

Помните эпизод из «Семнадцати мгновений весны», где нацистский генерал Карл Вольф встречается с главой ЦРУ Алленом Даллесом? Историки часто задаются вопросом: почему президент Рузвельт послал на сепаратные переговоры в Швейцарию именно Даллеса? Между тем, ответ очевиден. В январе 1932 года состоялась встреча Гитлера с британским финансистом Норманом Монтегю. Доктор исторических наук, академик Академии военных наук Юрий Рубцов полагает, что на ней «было заключено тайное соглашение о финансировании НСДАП». «На этой встрече, – пишет Рубцов, – присутствовали также и американские политики братья Даллесы, о чём не любят упоминать их биографы». Один из братьев – будущий глава американской разведки Аллен Даллес. Спроста ли такие совпадения? Как утверждают некоторые историки, именно Даллес лично контролировал все американские денежные потоки, стекавшиеся в рейх, начиная с гитлеровской избирательной кампании 1930 года. Её, кстати, наполовину профинансировала IG Farbenindustrie, к тому времени уже находившаяся под контролем Standard Oil Рокфеллеров. Так вот, Рузвельт отправил на секретные переговоры именно Даллеса по той лишь причине, что тому было известно лучше всех, кто из американских воротил и сколько вложил в восхождение Гитлера и позже в экономический подъём рейха. Почему Даллес так пристрастно расспрашивал генерала Вольфа об имевшихся у «новых германских властей» активах и золотом запасе? Да потому, что ему поставили задачу поскорее «отбить» все расходы!

Тема финансирования Гитлера англо-американскими корпорациями настолько обширна, что едва ли её можно объять в рамках одной газетной статьи. За рамками нашего повествования осталась история Эрнста Ганфштенгля – американца немецкого происхождения, «курировавшего» Адольфа Гитлера от лица американской разведки в 20-х годах и передававшего будущему фюреру деньги от заокеанских бизнесменов. Не в полной мере удалось рассказать о роли англичанина Нормана Монтегю в финансировании Гитлера и расколе британской элиты. Мы надеемся продолжить начатую нами тему в одном из ближайших номеров «Нашей Версии».

Мнения

Николай СТАРИКОВ, историк, публицист:

– Если вы почитаете книги биографов Гитлера, то отметите про себя, что ни один из них не смог привести ни одной фактологической детали о спонсировании нацистов до 1932 года. В 1932 году, когда Гитлер попёр к власти, вернее, когда его потащили во власть за шкирку, желающих дать ему денег стало много. А кто финансировал национал-социалистов до этого, с 1919 по 1932 год? В 1922 году, когда в Германии начался поиск новых политических фигур, тащить во власть Гитлера никто не собирался – о нём вообще дальше Мюнхена почти не было слышно. Поэтому военный атташе США в Германии капитан Трумэн Смит поначалу встретился с другими людьми – с бывшим генералом Людендорфом, командовавшим немецкой армией в Первую мировую, с кронпринцем Рупрехтом. Они-то и рассказали американцу о новой «восходящей звезде». 20 ноября 1922 года капитан встретился с будущим фюрером в его убогой квартирке. Безвестный главарь маленькой местной партии говорил о своём намерении «ликвидировать большевизм», «сбросить кандалы Версаля», «установить диктатуру». Таким образом, Гитлер сам предложил себя в качестве «меча цивилизации» в борьбе с марксизмом. То есть с Россией. Гитлер показался янки настолько перспективным, что в тот же день к будущему фюреру был приставлен «смотрящий» от США – Эрнст Франц Зедгвик Ганфштенгль. Вот с этого самого момента и можно вести речь о том, как Гитлера взяли на содержание американцы. Финансирование шло из Швейцарии – оттуда же получал средства «на революцию» и Владимир Ульянов-Ленин.

Леонид ИВАШОВ, генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем:

– Одной из причин того, что в США и Великобритании поддержали гитлеровский режим, стали выводы англосаксонских геополитиков Маккиндера и Мэхэна о смертельной опасности для интересов держав «морской цивилизации» создания германо-российского союза. В этом случае Лондону и Вашингтону пришлось бы позабыть о мировом господстве и лишиться ряда колоний. Раппальский договор 1922 года и последующее сближение Германии и СССР, особенно в военной и военно-промышленной сферах, усиливали возможность образования альянса против англосаксов. Так что Гитлер оставался едва ли не последней надеждой на разрушение формируемого союза Москвы и Берлина. Мне представляется, что Гитлер был явным ставленником англосаксонской элиты и мирового капитала. На чём основано это убеждение? Во-первых, Гитлер действовал вопреки выводам всех основателей немецкой геополитической классики и военной стратегии, которые считали главным противником Германии страны «морской цивилизации» и чтили завещание «железного канцлера» Бисмарка «никогда не воевать с Россией». Во-вторых, именно британские банки финансировали развитие оборонной промышленности гитлеровской Германии, а дипломатия Лондона поощряла движение Гитлера на восток.

https://www.kramola